

УДК 94(517)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-343-345

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО МОНГОЛИИ В XXI в.

© Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, г. Улан-Удэ
kuraslv@yandex.ru

На примере российско-монгольских отношений начала XXI в. рассматривается современное состояние феномена «мягкой силы», ее инструментов во внешней политике и возможности ее перехода к стратегическому партнерству. Это подразумевает противостояние «жесткой» или «острой силе», направленной на дестабилизацию политической ситуации как в современном мире, так и в отдельном государстве. В этой связи осуществлен сравнительно-исторический анализ особенностей стратегического партнерства Монголии и России по отношению к третьим странам.

Ключевые слова: «мягкая сила», Россия, Монголия, стратегическое партнерство, «острая сила».

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ — МинОНК (Монголия) «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ». Проект № 19-514-44001.

STRATEGIC PARTNERSHIP OF MONGOLIA IN XXI CENTURY

Leonid V. Kuras

Dr. Sci. (Hist.), Prof., Senior Research Scientist,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia
kuraslv@yandex.ru

Based on the example of Russian-Mongolian relationships in the beginning of XXI c. the article examines the current state of «soft power», its instruments in foreign policy and possibility of shift to strategic partnership. This means the opposition towards «sharp power», which leads to disruption of the political situation both in the modern world and in the one state. In this regard, the analysis of features of strategic partnership between Mongolia and Russia towards the third countries have been carried out.

Keywords: «soft power», Russia, Mongolia, strategic partnership, «sharp power».

The article is prepared with the support of the grant from the Russian Foundation for Basic Research — the Ministry of Education and Science (Mongolia) "Soft power" in Russian-Mongolian relations: a comparative analysis. Project No. 19-514-44001.

С середины 80-х гг. XX в. «мягкая сила» [soft power] стала инструментом внешней политики и международных отношений ведущих держав. Это понятие в научный оборот ввел американский политолог Джозеф Най [Най, 2006; Нье, 2009]. Именно он понял, что «мягкая сила» стала механизмом внешней политики мировых держав, способных добиваться желаемых результатов на основе привлекательности, в отличие от «жесткой силы», т. е. силового воздействия. Благодаря Дж. Наю «мягкая сила» превратилась в доктрину, а США стали ее оплотом. «Мягкую силу» использовал и СССР по отношению к странам Варшавского договора, СЭВ и особенно к Монголии.

В современном сообществе существуют рейтинги фактора «мягкой силы» в ведущих странах мира, что нашло отражение в современной историографии [Горлова, Бычкова,

2015; Филимонов, 2013; Соломатин, 2014; Агеева, 2016]. В них позиции России довольно скромные, а в начале 2000-х гг. Россия и вовсе лишилась этого потенциала в зоне своего прямого влияния, даже в Монголии, хотя в этой части у нее богатое прошлое во всех отраслях и особенно в экономике [Советско-монгольские..., 2019].

В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» стало важнейшей составляющей внешнеполитической деятельности Российской Федерации, что обусловлено стремлением России вернуть былую славу великой державы на всех уровнях.

В условиях глобализации современного мира устойчивое развитие любой страны во многом зависит от эволюции идеи «мягкой силы» и реализуется за счет выбора стратегических партнеров. Поэтому некоторые исследователи воспринимают стратегическое партнерство как «долговременное сотрудничество на международном уровне по большому числу вопросов с целью получения максимальных выгод для себя и партнера» [Новиков, 2010, с. 118]. Имеются и другие трактовки этого феномена [Портняков, 2011; Жеглова, 2014]. Таким образом, в отечественной историографии нет конкретно выработанного понятия «стратегический партнер» даже на уровне экономическом и военно-политическом. Поэтому ученые допускают достаточно узкие трактовки: «Стратегический партнер в каком-либо регионе или в какой-либо отрасли» [Барковский, Шуйский, 2005, с. 21]. В этой связи представляет несомненный интерес стратегическое партнерство во внешней политике Монголии, которое, по нашему мнению, является логическим продолжением политики «мягкой силы». Это наиболее полно проявилось в 2021 г., в период празднования 100-летия Монгольской революции и установления российско-монгольских дипломатических отношений [Курас, 2021]. Что касается непосредственно стратегического партнерства Монголии, то этот вопрос получил отражение в отечественной историографии [Базаров, 2019]. Так, автор статьи выделяет и дает емкую характеристику пяти стратегическим партнерам Монголии: России, Японии, КНР, Индии и США. Это свидетельство того, что Монголия ищет новые механизмы и точки опоры для усиления своих позиций в мире. Кроме того, это в полной мере соответствует многовекторной политике Монголии в соответствии с концепцией «третьего соседа», когда Улан-Батор поддерживает отношения — «страны Запада и его союзники, традиционно маркированные как члены мирового демократического сообщества. В этой связи в политических взаимоотношениях Монголии с внерегиональными государствами идеологический фактор с самого начала играл значимую роль, а само понятие «третий сосед» приобрело статус идейно-политического концепта» [Родионов, Аюшеева, 2017, с. 126]. Такой подход не противоречит современным мировым тенденциям, в т. ч. и российским принципам развития стратегического партнерства [Кузнецов, 2014]. И в этом плане каких-либо различий в позиции России и Монголии на этот вопрос нет. Другое дело, что традиционные партнеры, такие как Россия и КНР [Новости...], имеющие общие границы и многовековую совместную историю, готовы вкладывать в понятие «стратегическое партнерство» с Монголией значительно больше смысла и политической воли, а следовательно и ресурсов, в т. ч. финансовых [Базаров, 2019, с. 307–308]. Именно поэтому хотелось бы акцентировать внимание на мнении российских экономистов на проблему стратегического партнерства, которому, на наш взгляд, как раз и следует современная Монголия: «Наша новая внешнеэкономическая политика должна строиться на примате национальных интересов и приоритетности решения внутренних проблем, подчеркнутым прагматизмом, исключая исторические симпатии и антипатии и предполагающем превалирование экономических соображений при определении стратегических партнеров». А это означает, что «стратегические партнеры не могут быть вечными» [Барковский, Шуйский, 2005, с. 28].

Говоря о стратегическом партнерстве, следует подчеркнуть, что это явление в современном мире выходит на новый уровень, что обусловлено вызовами времени, когда на

смену концепции «мягкой силы» приходит новая концепция «умной силы» как сочетание «мягкой силы» с «жесткой силой» [Морозов, 2017]. Более того, на повестке появилась *sharp power* [«острая сила»], которая «подобно ножу «вонзается» в социальный строй зарубежного государства с целью его дестабилизации» [Кузнецов, 2022, с. 146]. Это обусловлено дальнейшей поляризацией сил, при которой США будут защищать сложившийся миропорядок со своей доминирующей ролью [Морозов, 2017, с. 134].

Литература

1. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 279 с.
2. Базаров В. Б. Стратегическое партнерство во внешней политике Монголии // *Власть*. 2019. № 6. С. 302–308.
3. Барковский А. Н., Шуйский В. П. Стратегические партнеры России сегодня и в долгосрочной перспективе // *Внешнеэкономический бюллетень*. 2005. № 12 (декабрь). С. 21–28.
4. Горлова И. В., Бычкова О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18. С. 268–272.
5. Жеглова Ю. Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. Т. 7. № 3. С. 115–122.
6. Кузнецов И. А. Развитие форм стратегического партнерства: дис. ... канд. экон. наук. М., 2014. 189 с.
7. Кузнецов Н. М. *Sharp power* и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // *Власть*. 2022. № 1. С. 146–151.
8. Курас Л. В. Информационные письма и программы научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г.: от «мягкой силы» к стратегическому партнерству // *Власть*. 2021. № 3. С. 85–90.
9. Морозов Ю. В. «Мягкая и жесткая» стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XXII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 121–138.
10. Най Дж. *Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике* / Дж. Най. М.: Тренд, 2006. 397 с.
11. Новиков И. А. Стратегическое партнерство как феномен международной политики (анализ отношений Россия — Евросоюз) // *Вестник ВолГУ*. 2010. № 1(17). Сер. 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». С. 117–124.
12. *Новости // Монголия сегодня*. 2022. 8 февр.
13. Портяков В. Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // *Общество и государство в Китае: XLI научная конференция*. ИВ РАН. М.: Восточная литература, 2011. С. 204–207.
14. Родионов В. А., Аюшеева И. Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 420. С. 125–130.
15. *Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов* / отв. ред. А. В. Юрасов; отв. сост. Е. Р. Курапова; сост. В. С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 774 с.
16. Соломатин А. Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 159 с.
17. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. 421 с.
18. Nye Jr., Най Дж. С. *Soft Power: The Means To Success In World Politics* [Мягкая сила]: путь успеха в мировой политике]. *Public Affairs*, 2009. 208 p.